

Про старого

Кабы ездил тут стар по-за городу,
По-за городу да по-за Киеву,
Что по тем по полям по широкиим,
А по тем по дорожецкам по долгиим.
Наезжаёт бы стар на росстáнюшки,
Што на те на росстани на широкие,
На те ли дорожки да на долги.
А лёжит на росстанюшах камешок горящий же,
А как на камешку да подписано,
А написано да подпись все подрезано:
«А во пёрву-то дорожецьку ехать — убиту быть,
А во вторую-то дорожецьку ехать — женату быть,
Как и в третью-то дорожецьку ехать — боґату быть».
Как садилса-то старой на горяць камéнь,
Он и думал думушку не малую,
А не малую думушку — великую:
«А нашто мне, старому, теперь женитися?
А жонитися мне не по младости.
А нашто же мне, старому, и теперь всё богатество?
Как есть у меня, старого, золотой казны,
Кабы есть у старого цистого сéребра,
Есть у старого красно золото,
А кабы есть у меня да циста жемчуга.
Я наездился, стар, на белóm свете,
Кабы много от старого сирот сиротаёт же,
Кабы много от меня вдовушек да вдовеёт же:
Я побил на сём свете удалых добрых мóлодцев,
Я поеду по той по дорожке — по убитой».
Как садился бы стар на добрá коня,
А ехал по дорожецьки по убитое.
Как идут-то станицьники — да люди вольные,
Люди вольные — да всё разбойницьки.
Стали на старого приступати же:
«Ты докуль, старой пёс, в поли шатаишься,
Докуль ты добрых мóлодцев побиваешь?» —

«Ох вы, станицьники да люди вольные,
Как у меня своей казны не пригодилось,
А поехал — у князя не выпросил.
Только есь на старом кунья шубонька,
Стоит шубоцька петьсот рублей,
Как на шубоцьке пуговок на тысяччу.
Есь у старого сабля вострая,
Стоит сабелька петьсот рублей.
Есь тут копье долгомерное,
Стоит копье петьсот рублей
Есь тут стрелочка каленая,
Каждая стрелочка стоит по сотенке.
А есь под старым доброй конь, —
Тому коню цены нет!»

Стали станицьники к старому приступать. Вымаёт стар из колчанá калену́ стрелу, зарежает калёный лук, сам ко стрелке приговаривает: «Ты лети-ко в матушку сыру́ землю, рви-пластай што три по́греба».

Тут и вси станицьники в ямы упáдали,
Кабы все тут они устрашились:
«Ты не бей, стар казак, не губи́!
Мы идём в слуги верные!» —

«Мне не надо слуги верные: Святая Русь не живёт без могучих плеч, без богатырских сил.

На то дал нам Господь силушку расчищать пути засорены». Дали они заклятие великоё: «Не будем мы боле разбойничать, пойдём по светым местам, ко своим жёнам».

Поехал стар по дорожецьке в поля широкие. Лежат тут ускоки боғатырские. Пошли надвое две

дороги: одна вправо, другая влево, пробиты две дороги до пояса. Первая дорога пошла на Светые горы.

Наехал старый на боғатыря. Выдернул он палицу буёвую, ошил его, огленулся Егор-Святогор.

Сказал ему: «Ах, русские комары больно же кусают!». Взял засунул его в карман с конём со всем.

Потом конь Егора-Светогора прискакал на Светые горы, пристал, сказал:

«Ах, Егор-Светогор,
не могу боле скакать! Есть у тебя в кармане богатырь не плохой». Тот
выдернул из кармана, и
назвались они братьями: Егор большой и Илья меньший. «Поедем, Илья, ко
своему отцу на Светые
горы! Живет у меня отец на Светых горах слепой».

Вот приехали в ограду, привязали коней к столбу, к золотому кольцу. Вот
заходят в палаты
белокаменны, находят старика слепого. «Вот, татка, — говорит, — я привёз
русского богатыря в
гости». — «Ладно, — говорит, — привёз, так потчуй». Стали за столы
дубовые, сели за ествá сахарные,
за пítья медвяные. Вот они пили-гуляли, отец слепой говорит: «А ну, я
ручки богатыря пощупаю,
— каковы?» А Егор-Светогор говорит: «Ты не давай ему руки — палицу дай
ему
пощупать!» Он пихнул ему в руку. Он пріжал, — только пена пошла.

Вот назавтра у Егора-Светогора битва с паленицей последняя. Ездит, бьётца
в поле тридцать
лет. Вот и говорит Егор-Светогор: «Давай, брат Илья, поедем: у меня
последняя битва с паленицей.
Некоторый, — который победит, — будет на ней жениться!»

Вот распростился со стариком, и стали с ним уезжать. Спустились со Святых
гор, а она уже
ездит, рискует в поле. Егор и говорит: «Ну, Илья, ты поезжай к ней,
ты биться знаешь, не можешь
ли ее как взять». А Егор сам остался под дубом.

Вот Илья, старой казак, поехал. Она и говорит: «Вот кого Егор послал! Я
дуну — так
улётит, я плюну — так костья не найдёт». Вот и подъехал, дунула на него,
он сидит — не тряхнется.
Плонула — сидит. «Ах, какой ловкой подъехал», — говорит. Подъехала к
ему, да и махнула
саблей вострой. А этот Илья был увёртливой! Увернул коню под передние
ноги. Пересекла
коня, значит, у него. И шарнул Илья копьём, и спёхну́л с коня. Выдернул
свой меч и подсек голову

ей. Заскочил на ейного коня, не зевая. Учул конь, что лёгок седок, носил по полям широким:

едва дёржитця Илья на коне. Коґда этот-то конь утомилса, и подъезжает к Егору-Светогору.

Егор-Светогор говорит: «Эй, Илья! Есь у ей перстень самоцветной, с самоцветным камнем, —

сыми его, он твой, ты победил». Скочил Илья с коня и стал сымать, — она еще пышіт. Махнула

рукой — он попал под руку и встать не может. Прибежал Егор-Светогор, отóрвал со всем с пёрстом.

Отдал Ильи, сели на кóней и поехали по полям по широким.

Едут в поли, — строят старцы в поли гробницу. Егор-Светогор спрашивает: «Эй, старцы,

про кого вы эту гробницу строите?» Старцы сказали: «А хоть ты лежишь!» А Светогор говорит:

«Што же мне эта гробница стоит! Лягу и всю разопру ее». Соскочил Егор с коня и лёг в гробницу.

Как лёг, так и пошевелиться не может. «Эй, брат Илья! Бей по концу пáлицей, пусть розлезетса!»

Илья взял ударил по концу палицей — налетел обруч железный. «По другому бей!» По

другому ударил — другой обруч налетел. А у его силы никакой в гробнице: подрезаны все силы

его. — «Сделай, брат Илья, дыру: если тебе нать силу — пойдёт у меня сила, буду умирать.

А пойдет сила, первой пар густой — не тронь, второй пойдет — не тронь, а третий пойдет — и то тронь с калачиком!»

Первый пар пропустил, второй пропустил. Третьего пару хватил! Сила в ём расходилась.

Рвал лес, ломал лес, чтобы уничтожить силу. Коґда некогда уничтожил, пошел похоронил Егора, сел на коня и поехал.

Ехал полями широкими, выехал на дороги долгия. Едет по дорожецьке в Киев. Идёт навстречу

старик седатый. Илья и говорит: «Здравствуй, дедушка!» Тот и ответат: «Здравствуй,

Илья Иванович!» — «Как же ты меня знаешь?» — «Да как мне не знать, я киевской». — «Што теперь хорошего в Киеве деется?» — спрашивает Илья. — «После твоего отъезду заселился боғатырь, живёт у князя во дворе, к выти съедает семь пудов хлеба да быка. Никто и подступиться не может!» — «Спасибо, дедушка, на вестях».

Ну вот, распростились и поехали. Тот пошел по дорожке, а этот поехал в Киев. Стал спрашивать: «Какой боғатырь засел в Киев?» Вот все рассказали. Вот на дрúгой день надел Илья шляпу в сорок пудов, взял клюку в сорок пудов, оделся каликой и пошел ко князю. Заходит в палаты белокаменны во время обеда. Сидит боғатырь, княгиню на коленях дёржит. Бык поджарен, лежит на столе на блюде, нож вlepлён в него. Вот разговор завели. Он и спрашивает: «Вот у вас есь казак Илья Муромец. Сколько он к выти хлеба кушает?». А князь отвечает: «А он у нас мало ест». А он говорит: «Вот я к выти семь пудов хлеба съедаю и быка». А стоит Илья под порогом: «Вот у нас была корова обжорливая, много ела и пропала! Вот и ты пропадёшь!»

Вот это слово ему не пондравилось. Взял княгиню с коленей спехнул, взял нож — и махнул в Илью. Нож в простенок стал: на то Илья был увёртлив. Илья схватил с головы шляпу и катнул его шляпой своей! Вылетел этот боғатырь с простенком со всем на улицу. Вот тут его и рушил. Князь боғатыря прославил: «Слава тебе, избавитель! Опять избавил нас, от смерти опять!»
Сделал бал великолепный князь Ильи, что избавил от смерти опять.

(Вот же всё!)

(Зап. А. М. Астаховой 25 июня 1928 г.: д. Лебская Лешуконского р-на — от Лешукова Ефрема Матвеевича, 70 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.